

русскаго крестьянства безъ всякаго подкрашиванія, такимъ, какимъ оно есть на самомъ дѣлѣ.

Сурово и безъ всякаго прикрашиванья изображаетъ Толстой и жизнь и смерть Ивана Ильича (смерть Ивана Ильича). Безпощадный анализъ жизни не озаренной высшимъ пониманіемъ, чуждой высшихъ религіозныхъ и нравственныхъ задачъ, сдѣланъ съ такой суровой силой, съ такой неумолимой логикой и ясностью выводовъ, что впечатлѣніе отъ повѣсти остается на всю жизнь. Дѣлается до очевидности ясно, что такъ жить нельзя, и что современный человѣкъ со своими суетными заботами о комфортѣ, о внѣшнемъ благополучіи—жалкій, ничтожный и несчастный человѣкъ.

Въ своей статьѣ „объ искусствѣ“ Толстой старается выяснить общенародное значеніе искусства и требуетъ отъ него высоко христіанскаго содержанія. Если принять во вниманіе то обстоятельство, что христіанство Толстой разумѣетъ, какъ вложенное самой природой въ нашу душу влеченіе къ добру, то съ этой точки зрѣнія вся художественная дѣятельность Толстого можетъ быть названа вполнѣ христіанскою и глубоко всенародною. Но, не довольствуясь этимъ, Толстой задумалъ цѣлый рядъ мелкихъ (по размѣрамъ) произведеній, въ которыхъ старался выразить свое христіанское настроеніе („Чѣмъ люди живы“, „Много-ли человѣку земли нужно“, „Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ“, „Карма“ и пр.), и въ этихъ маленькихъ рассказахъ онъ остается большимъ художникомъ.

Такимъ большимъ художникомъ является онъ и въ своемъ послѣднемъ романѣ „Воскресеніе“. Юношеская энергія писателя поражаетъ насъ. Семидесятилѣтній авторъ пишетъ такъ, какъ если бы онъ самъ недавно переживалъ все то, что онъ рассказываетъ о своихъ герояхъ. Полная весенней свѣжести и поэзіи сцена увлеченія Катюши Нехлюдовымъ. Словно волна молодой здоровой чувственности хлынула изъ глубины сердца автора и все залила и захватила. Свѣтское общество изображено съ той-же неувядаемой яркостью красокъ, которыми написаны лучшія страницы „Войны и мира“ и „Анны Карениной“. Передъ нами громадное количество дѣйствующихъ лицъ и глубоко вѣрное пониманіе ихъ жизни и психологій.

Поражаетъ напримѣръ то безпристрастіе, съ которымъ Толстой изображаетъ террористовъ, хотя принципиально и является ихъ непримиримымъ врагомъ. Злой и мѣткой сатирой дышатъ страницы, посвященныя изображенію суда. Впрочемъ, судъ и судейскихъ Толстой всегда не могъ терпѣть. Это принципиальное отрицаніе суда поддерживалось и личными непріятностями, полученнымъ Толстымъ при столкновеніи его съ судейскимъ міромъ. Извѣстно его огорченіе и возмущеніе, когда судебный слѣдователь, изъ лишняго усердія, привлекъ Толстого къ слѣдствію по дѣлу о забоданіи музика принадлежащей ему коровой. Тяжелыя впечатлѣнія вы-